

СЕКЦИЯ I

ФИЛОСОФИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

В.И.Кашперский
г. Екатеринбург

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК МИРООТНОШЕНИЕ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КРИЗИСА

Кризис современной философии определяется не только внешними условиями, но самим ее внутренним состоянием как состоянием мыслящего и стремящегося к мудрости разума. Состояние кризиса есть неспособность субъекта знания и действия решать возникающие проблемы с помощью наличных методов и средств. Применительно к философии это означает утрату эффективности философской методологии, равно как и стоящих за ней онтологических, теоретико-познавательных, логических установок. Понятие кризиса антропологично по своему смыслу: к бытию, мыслимому вне человека, прилагать это понятие бессмысленно. Всякий кризис выражает угрозу тем или иным сторонам человеческого существования, бытия-человека-в-мире и тем самым носит экзистенциальный характер. Вторая, вытекающая из современного состояния цивилизации черта кризиса – универсальность. Обычно эта черта осмысливается в контексте глобалистики, объективистики, а не как философско-антропологическая проблема. Между тем антропологичность и универсальность вынуждают нас искать подлинные истоки кризисной ситуации конца XX века там, где им и надлежит быть: в мироотношении, мышлении, аксиологических установках современного человека, следовательно, в философии, науке и тотальном рационализме. Рационализм имеет в качестве идеала рациональность как мироотношение, притягательную силу и соблазн которого испытали на себе все стороны современной жизни.

Понятие и образ рациональности приобрели классические черты в XVII – XVIII ст. в рамках новоевропейской культуры. Общекультурный контекст рационального отношения к миру состоит в стремлении современного человека посредством *ratio*–разума привести явления и процессы бытия в соответствие с некоторым заранее заданным масштабом, эталоном, идеальным образцом. Этот родовой признак понятия рациональности находит выражение в технологиях познания и действия. В науке это технологии получения, систематизации и обоснования знаний, прежде всего методы научного исследования с критериями логической выводимости и эмпирической проверяемости. В обыденной жизни следование устойчивым элементам традиции. В социальных теориях – технологизация деятельности, доведенная до операций.

Онтологическим основанием рациональности как нормы мышления и действия человека является представление об универсальной закономерности бытия, предшествующей ему в качестве сущего, сущности,

закона, первопричины. В этом отношении традиции обыденного поведения (включая суеверия), магия мифа, многие стороны религиозных обрядов столь же рациональны, как научные и производственные технологии конца XX ст. Соответствующие нормы и принципы столь же претендуют на универсальность, напряженно стремятся навязать себя в качестве исключительных и единственно верных, – как, например, основные направления в философии или конкурирующие теории в науке. Очевидно, что говорить об объективности в условиях навязывания бытию указанных образцов столь же проблематично, как и усматривать эту объективность в соответствующих результатах, не замечая их глубоко антропологического характера. Так называемые глобальные проблемы человечества, как, например, экологический кризис – это именно человеческие проблемы, фиксирующие превышение меры человеческого в природе.

В доантичные эпохи, до возникновения философии рациональность оставалась для мифологического или религиозного человека лишь неразвитым моментом его пребывания в вере, не была эксплицирована в приоритетную форму мироотношения. Такая экспликация произошла в процессе вычленения человеком мира в качестве объекта и утверждением первых форм рефлексии как посредника между внутренним миром человека и средой его обитания в середине I тыс. до н.э., – удивительную эпоху, названную К.Ясперсом "осевым временем" Это был период коренного изменения человека и его представлений о себе самом, о своем месте в мире. Человек традиции Ветхозаветного закона впервые ощутил свободу "философской" формы существования (Э.Гуссерль), свободу противостояния объекту и построения собственных правил жизни в форме рефлексии (античная диалектика) либо действия (легенда о Прометее). Таким образом, было бы некорректно видеть источник рационализма в философии в ее тяготении к научности и идеалам последней. Напротив, научность и современная классическая рациональность обусловлены процессами в философии, которые произошли с момента ее становления в античности и в которых наблюдается постоянное стремление воплотить рациональность в ее универсальных, всеобщих формах.

Таким образом, рациональность исходно и имплицитно присутствует в философии с момента ее зарождения, это ее ведущий мотив и принцип. Принцип рациональности воплощен в древнегреческом понятии логоса, фиксирующего в своем содержании и разум, и грядущее диалектическое тождество бытия и мышления. Это и объективно данное содержание, уже присутствующее в уме, разуме изначально, и деятельность мышления по актуализации этого содержания, и предзаданная смысловая архитектоника, упорядоченность как бытия, так и мышления. Это нечто, противостоящее хаосу как небытию, ничто. С логической точки зрения логос четко предзадает диалектику в качестве философского метода. Следуя в своих метаморфозах эволюции типов рациональности, диалектический метод строго охранял территорию разума от каких-либо посягательств вплоть до середины XX ст.

Современная философия знает два метода: диалектический и феноменологический. Возникновение феноменологического метода (Э.Гуссерль)

и первые попытки создания соответствующей онтологии (М.Хайдеггер) стали манифестацией протеста против суперрационализации диалектического метода в трудах Г.Гегеля и К.Маркса. С возникновением феноменологии заканчивается период отрицания рациональности ее же методами, с переходом на позиции различных версий философского иррационализма, и начинается конструктивная разработка постклассической формы рациональности и философствования. Истоки этого процесса находятся в точке встречи Афин и Иерусалима (Л.Шестов), начиная с первых феноменологов ап.Павла (I ст.) и Ф.Аквинского (XIII ст.). Я хочу сказать, что христианство, особенно в начальных прозрениях апостолов и в завершающем Средние века обращении к Аристотелю, пришло к версии рациональности (назовем ее рациональностью первого типа), близкой по духу к феноменологии и имеющей явно антропологическую ориентацию.

В антропологическом аспекте античная рациональность дает ясную внутреннюю структуру личности: из трех ипостасей – чувств, разума и воли разуму принадлежит безусловно господствующая роль, это родовый признак человека. И при том человека как философа, ибо разум есть способность постижения универсалий, тех "предельных горизонтов" бытия, которые составляют его сущностную основу, потенцию бытия, которые, по Аристотелю, есть и не есть одновременно. Никакой специфически-научной, технологизированной рациональности здесь еще нет, средоточием последней является философия (любовь к мудрости), а ведущим принципом – единое (космоцентризм). Софистика, с ее человеком как мерой всех вещей и их существования (Протагор), рассматривается в качестве недопустимого для философии субъективизма.

Воздействие Афин на Иерусалим, в значительной мере инициировавшее возникновение христианства, не могло не привести к рационализации веры. Принесением в жертву своего сына Бог христиан освобождает человека от первородного греха, отменяет действие закона и вменяет людям дар свободной воли. Поскольку освобождение от греха только потенциально, а не актуально, человек земной жизнью получает возможность искупления греха "де-факто", а не только "де-юре". Однако, свободная воля означает вместе с тем вменяемость и ответственность. Ветхозаветный закон не сдерживает более напор рациональных устремлений: вера из состояния, в котором человек находится исходно, превращается в отношение, требующее разумного обоснования или хотя бы истолкования. Впервые с этой проблемой столкнулся, по-видимому, ап.Павел в 60-е гг. I ст., обращаясь к язычникам с новой трактовкой богоизбранности. Рациональность этого типа становится доминирующей тенденцией теологии Средних веков и носит символический, мистический характер, тяготея в своих основных чертах к грядущему феноменологическому методу. Особая роль в ее обосновании принадлежит Ф.Аквинскому, которого иногда называют отцом европейского рационализма. Он разрабатывал свою концепцию в условиях преодоления концепций двух истин Аверроэса (12 в.), С.Брабантского (13 в.) и других сторонников последней, наиболее четко выраженной Тертуллианом

в его знаменитом "верую ибо абсурдно" Для аверроистов истины веры несовместимы с истинами разума, откровение исключает рациональные доводы и наоборот. По Аквинскому, рационализация мира человеком антропологична: интеллектуально объективируя существование мира, человек возвышает разум над чувствами и волей, а возвысив, переходит к иному способу обоснования собственного существования. Уверенность в последнем достигается теперь и в силу субъективного самоощущения, и в результате рациональной объективации. Однако объективность, достигаемая посредством рефлексии разума и дистанцирования от чувственно-волевой сферы, таит в себе опасность разрыва человека с миром. Поэтому Аквинский обращается к Аристотелю, к его естественному человеку, в котором пребывание в вере достигается, а не дано изначально. Достигается посредством чувственного познания и интеллектуальной деятельности человека, обладающего даром свободной воли. Свобода воли предшествует интеллекту, однако в другом смысле интеллект предшествует свободе воли: он первенствует над волей, ибо мышление как акт предшествует действию. Действие есть актуализация потенции желания, а желаемое предполагает познание.

Таким образом, у ап. Павла и, в особенности, у Ф. Аквинского рациональность носит феноменологический и антропологический характер, в ней присутствует субъективность. Бытие является бытием потенции, которая актуализируется как деятельность Бога (теологический аспект), так и действием свободной воли человека (рационально-антропологический аспект). Можно сказать, что основанием становящегося здесь феноменологического метода является бытие, существование в их потенциальной предзаданности и одновременно в их непосредственной данности человеку, что находит выражение в понятиях потенции и акта у Аристотеля, концепции потенциализма развиваемой томистской философией, в трансцендентальном идеализме И. Канта при рассмотрении философии последнего в качестве новой и оригинальной антропологической концепции.

Однако возвратимся к рациональности второго типа, нашедшей воплощение в диалектическом методе. После Средних веков возврат к ней произошел в эпоху Возрождения как возврат к античному идеалу, а затем, в XVII ст. рациональность этого типа воплотилась в научном методе, приобрела классические европейские черты. Здесь сущность предшествует бытию, находя выражение в умопостижаемых законах и принципах, которые лишаются мистического и символического содержания. Объектные представления перерастают в понятие объективной реальности и в принцип тождества мышления и бытия. Единственным препятствием для познания остается время. Рациональность в форме диалектического метода в философии и в общенаучных методах в научном познании приобретает все более тотальный и агрессивный характер, ибо здесь рационально мыслящему человеку подвластно все: все он должен подвергнуть критическому суду разума, все природные и социальные процессы подчинить разуму и преобразовать в соответствии с установлениями последнего. В XVIII ст. скептики и, в особенности, И. Кант предприняли попытку ввести в рациональное мышление субъек-

тивный момент, антропологизировать мышление. Однако это оказалось "бунтом на коленях", поскольку Кант действовал теми же рациональными доводами, говорил на языке рациональной диалектики, хотя и получившей название "негативной". Поэтому в XIX ст. реакцией на кантовскую философию стало создание стремящихся к завершению, наибольшей полноте диалектических систем Г.Гегеля и К.Маркса. Третье направление, выросшее из философии Канта как его антитеза – иррационализм А.Шопенгауэра, получивший дальнейшее развитие в философии Ф.Ницше и отчасти экзистенциалистов, лишь по видимости преодолевает классический европейский рационализм, фактически являясь его простым отрицанием теми же рациональными средствами и не предлагающим никакой конструктивной программы новой, постклассической рациональности. По существу, философия Шопенгауэра оказалась негативной формой выражения сомнения в том, не является ли человеческий разум и само существование человека своего рода "ошибкой природы", девиантным направлением естественной эволюции.

Таким образом, выход из состояния кризиса научной и философской рациональности, поиски ее постклассического идеала предполагают отказ от рациональности второго типа с частичным возвратом и дальнейшей фундаментальной разработкой рациональности, присутствующей в феноменологическом методе, с ее очевидной антропологической и субъективной нагруженностью. Бытие не предзадано законами и сущностью и в этом смысле не является прозрачным и абсолютно предсказуемым. Его понимание человеком предполагает новую онтологию, новую теорию познания, разработку иного языка мышления и общения. Отдельные стороны постклассической рациональности присутствуют в концепции потенции и акта, в понимании универсалий Аристотелем, в философской антропологии Канта, в современных феноменологических исследованиях. Можно предположить, в частности, что новый разум в своем стремлении к открытой рациональности (Г.Башляр) введет субъекта в картину реальности в качестве неотъемлемой ее части, откажется от однозначных универсальных нормативов в теоретическом мышлении и опыте в пользу их множественности соотносительности, преодолеет несоразмерность кажущихся универсальными научных и философских образцов классической рациональности реальным процессом бытия-человека-в-мире.

Н.И.Мартишина
г. Омск

К НОВОМУ ОБРАЗЦУ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ВАРИАТИВНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Категория "рациональность" весьма активно обсуждается в настоящее время, с одной стороны, в методологию познания, где оно в значительной степени замещает традиционную проблематику научности, демаркации науки и ненаучного знания, с другой стороны – в социальной философии, где оно оказывается ключевым для анализа социального действия. В этой связи традиционные интерпретации этого термина